

¹⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, ул. Моховая, д. 11, Москва, 125009, Россия;²⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ механики, Мичуринский пр., д. 1, Москва, 119192, Россия

ПАМЯТИ БОРИСА ИВАНОВИЧА ТАТАРИНОВА (1913–1941)

Введение. Статья посвящена памяти научного сотрудника Института антропологии МГУ, выпускника кафедры антропологии, археолога Б.И. Татарина (1913–1941).

Результаты и обсуждение. Выходец из рабочих слоев, сумевший получить высшее образование в одном из лучших учебных заведений страны благодаря принятой советской властью программе бесплатного общедоступного высшего образования, еще только начавший свою научную и педагогическую работу, Б.И. Татарин трагически погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны, защищая Родину в рядах Народного ополчения. Судьба Б.И. Татарина очень характерна для советских людей поколения предвоенных лет, чья жизнь и работа были прерваны войной, именно поэтому из научного наследия Б.И. Татарина, исследователя палеолита, в частности, мустьерских стоянок в Крыму, осталось очень немного – немногочисленные отчеты о научных экспедициях, несколько экспонатов в Музее антропологии МГУ. Наша благодарная память о нем – дань людям Московского университета – защитникам нашей Родины.

Ключевые слова: археология; история науки; биография Б.И. Татарина; верхний палеолит; крымская палеолитическая стоянка

Я товарищей погибших,
Как сумею, помяну.
Всех без вести, всех без вестей пропавших,
А сколько их пропало за войну!
Всех ребят, ребят, Россию не продавших,
Как сумею, как сумею, помяну.
Геннадий Шпаликов, 1965 г.

Жизнь 28-летнего воспитанника Московского университета Бориса Ивановича Татарина оборвалась в октябре 1941 года в начале его научной деятельности – в годы работы над диссертацией, которую он называл «специальной работой». Шли первые месяцы Великой Отечественной войны, Борис Татарин вместе с другими москвичами, оставив мирные дела, пошел защищать Родину.

Это было практически все, что было известно об этом человеке. Его имя не упоминает в воспоминаниях К.А. Воскресенский (1913–1987), аспирант биологического факультета, вступивший в ряды Народного ополчения и вместе с другими студентами и преподавателями МГУ и назначенный командиром орудия в артиллерийском полку 8 Краснопресненской дивизии. В вышедших к 50-летию юбилею Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ («Колыбель советской антропологии», 1976) и юбилеям Победы (1975, 2-ое издание – 1985) сборниках «Московский университет в Великой Отечественной войне»

его имя лишь упоминается. Однако недавно выяснилось, что это не все ... Сохранившаяся в архиве кафедры антропологии биологического факультета МГУ личная папка Б.И. Татарина с разнообразными документами стала стимулом к рассмотрению этих материалов как источника сведений о трагически ушедшем из жизни молодом ученом-исследователе. Впоследствии оказалось, что личные документы есть и в научном архиве отдела археологии НИИ и Музея антропологии МГУ. Нашлись свидетели последних дней жизненного пути Б.И. Татарина.

Борис Иванович родился в маленьком мордовском городе Ардатов (в год его рождения все население города составляло 6000 человек) в семье мелкого служащего. Мать была домохозяйкой, семья обрабатывала земельный надел, содержала корову и несколько овец, а также домашнюю птицу. В семье было четверо детей, Борис был вторым ребенком и старшим сыном. Рано, в 1920 году, семья лишилась отца. После смерти супруга мать занима-

лась мелкой торговлей, с 1925 года работала в различных государственных организациях.

Школьником Борис стал членом пионерской организации, активно участвовал в общественной жизни, выполнял различные поручения. Окончив среднюю школу, в мае 1930 года поехал учиться в Москву. И этот путь был трудным, он начинал его чернорабочим на химическом заводе в Щелково. В ноябре 1930 года стал учиться в педагогическом техникуме, вступил в комсомол, активно участвовал в общественной жизни, был старостой группы. Окончив техникум весной 1932 года, с конца года Борис Иванович преподавал историю в 25 и 52 средних школах Москвы, совмещал работу с учебой до осени 1938 года (работать вынуждала необходимость помогать семье). В 1933 году, уже 20-летним, он поступил в Московский университет на биологический факультет. В 1934 году решил специализироваться по кафедре антропологии, изучать культуру первобытного человека, а в более широком плане – происхождение жизни на Земле. Возможно, влияние на этот выбор оказали вышедшие в это время издания сотрудников Института антропологии «Происхождение человека» [Жуков, 1931] и «Человек и его предки» [Нестурх, 1934]. В 1938 году Борис Иванович Татаринцев окончил Московский университет.

С 1936 года Борис Иванович непрерывно выезжал в археологические экспедиции, принимал участие в раскопках грота Чагарак-Коба (Крым) в 1937 г. [Бадер, 1938], древних стоянок в бассейне реки Молочной Мелитопольского района УССР, стоянки Чокурча (долина реки М. Салгир, Крым). В архиве сохранилась объяснительная записка Б.И. Татарина, когда он в 1940 году, стремясь завершить раскопки и обеспечить сохранность археологического памятника, затянул срок возвращения в Москву на месяц.

Он ознакомился с материалами раскопок древних стоянок эпохи верхнего палеолита и неолита, имеющих в Феодосийском краеведческом музее и Центральном музее Крыма. Посетил Коктебель (осмотр случайных находок). Приезжал в Керчь, где просматривал материалы в Керченском музее, и Ялту – знакомиться с коллекциями музея (закключение по обоим поездкам: палеолитических находок в музеях нет). В течение нескольких дней пребывания в Старо-Крымском районе разобрал и описал все имеющиеся коллекции кремня в музее Старого Крыма (свыше двух тысяч экземпляров, главным образом, подъемный материал у д. Кринички, д. Шех-Мамай, д. Карагозы, кургана «Мамая»).

Выбранное Б.И. Татаринцевым научное направление было продолжением начатых в 1924–1925 годах в Институте антропологии исследований по трудовой теории происхождения человека, созданной Ф. Энгельсом. Представление о

роли изготовления орудий труда в прогрессивной эволюции гоминид находилось в русле тогдашней советской идеологии и являлось господствующим в советской антропологической науке.

Обнаруженные на территории СССР неолитические стоянки в то время были редкостью, и Б.И. Татаринцев исследовал крымские палеолитические стоянки (Капсыйский вариант в Северном Причерноморье). В архиве сохранилось более десятка листов рабочих материалов с его записями и зарисовками острокопечников мустьерского типа (поздних неандертальцев) с их характерной техникой обработки камня с широкими сколами-заготовками. Научным руководителем Б.И. Татаринцев мог выступать (документально не подтверждено) научный сотрудник Института антропологии О.Н. Бадер (1903–1979) – впоследствии крупный советский археолог, включившийся тогда в работы по исследованию палеолита, в частности, мустьерских стоянок в Крыму (имя Бориса Татарина как участника раскопок упоминается в машинописной рукописи О.Н. Бадера «Новая мустьерская стоянка в Крыму», 1938).

Открытый в 1931 году в качестве самостоятельного культурно-просветительного научного учреждения Музей антропологии развернул активную научно-просветительскую работу, проводя лекции, экскурсии и т.п. для широких масс учащихся и служащих. Борис Иванович имел большую педагогическую нагрузку – вел практикум по археологии для студентов-расоведов 4 курса и читал лекции по археологии для студентов-антропологов 4 курса (сохранились планы занятий).

Воспоминания антрополога-однокурсника – Михаила Исааковича Урысона (1916–2007) содержат, кроме биографических сведений, и личностные характеристики Б.И. Татарина: «Учился самозабвенно ... <имел> живой, общительный характер ... Его <избрали> руководителем комсомольской организации биологического факультета. Честный, принципиальный, бескомпромиссный и вместе с тем добрый, отзывчивый, он был настоящим комсомольским вожакom, пользовавшимся огромным авторитетом, уважением и любовью среди молодежи факультета. В 1938 году после блестящей защиты дипломной работы и сдачи государственных экзаменов его оставили в аспирантуре» (Биологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Великой Отечественной войне, Электронный ресурс. URL: <http://vov.bio.msu.ru/doc/index.php?ID=6>, дата обращения – 13.07.2018).

Оставление Б.И. Татарина в Университете для продолжения учебы и работы свидетельствует о высокой оценке специалистами его преподавательского, научного и общественного потенциала. Его однокурсники были распределены по другим

городам: Л (фамилия не установлена) – в Магадан (сохранилось письмо, без конверта), Георгий (фамилия не установлена) – в ВИЭМ (Сухуми).

В феврале 1941 года Б.И. Татаринов выезжал в Львовский университет, ставший советским вузом с сентября 1939 года. Там была проведена реорганизация, по образцу советских вузов организованы кафедры, в частности, кафедра археологии и истории материальной культуры, заведующим которой стал Ярослав Иванович Пастернак. Сохранился черновик письма Б.И. Татаринова к Я.И. Пастернаку с упоминанием материалов о Яниславицком погребении. Точные даты и задачи приезда Бориса Ивановича Татаринова во Львов неизвестны. В письме [Пастернак, 1941] указана дата возвращения в Москву – 08.02.1941 г. В письме [Чортковер, 1941] сообщается о длительном разговоре с ректором Львовского университета Ю. Быченко, являвшегося заведующим кафедрой истории колониальных и зависимых стран [Ivan Franko National University of Lviv]. Можно предположить, что обсуждение касалось вопросов сотрудничества Московского и Львовского университетов. Чортковер (возможно, занимавший какую-то административную должность в Львовском университете в то время, когда Б.И. Татаринов был во Львове) просил прислать учебный план кафедры антропологии МГУ и программы антропологических курсов. Вероятно, Борис Иванович приехал туда в связи с проведением первой научной сессии Львовского университета, состоявшейся в конце января – начале февраля 1941 г. На пленарном заседании сессии прозвучал доклад профессора антропологии естественного факультета Яна Чекановского «Из исследований над проблемой прародины славян», однако никаких свидетельств общения Б.И. Татаринова и Я. Чекановского нет.

Среди людей, встретившихся Б.И. Татаринovu в жизни, была Нина Николаевна Грин – вдова знаменитого писателя-романтика Александра Грина. В архиве нашлось датированное 9 января 1941 года письмо-доверенность Нине Николаевне, адресованное в Москву, персонально к Б.И. Татаринovu, с просьбой оказания помощи в приобретении материалов для создающегося в Старом Крыму краеведческого музея (это доселе не освещавшаяся в литературе страница жизни Нины Грин). По воспоминаниям современников спутница жизни А. Грина производила сильное впечатление на окружающих. Л.Е. Белозерская, встречавшаяся с Ниной Николаевной в 1925 году у М. Волошина в Коктебеле, оставила свои впечатления от встречи: «*пришла очень привлекательная вальяжная русская женщина в светлом кружевном шарфе*» [цит. по: Стронгин, 2014, с. 81]. В 1941 году позади у Нины Грин были счастливые годы семейной жизни с великим писателем, впереди – трагические годы пребывания на оккупированной гитлеровцами терри-

тории и десять лет сталинских лагерей (не сумев эвакуироваться в 1941 году из Крыма, Нина Николаевна осталась с потерявшей рассудок матерью в оккупации, работала у новой власти и получила срок за сотрудничество с оккупантами). Впереди у нее была и долгая, изнурительная борьба за создание музея Александра Грина в Старом Крыму.

В 1941 году диссертационная работа Б.И. Татаринова близилась к завершению, в книге «Колыбель советской антропологии» специально отмечается, что он погиб, не успев защитить кандидатскую диссертацию, его мирная жизнь и работа, как и всех советских людей, были прерваны войной.

24 июня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных...». Согласно Указу мобилизации подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно, и Б.И. Татаринов подлежал мобилизации.

4 июля Государственный комитет обороны своим постановлением № 10 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» решил мобилизовать, начиная с 7 июля, в дивизии Народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области – 70 тысяч человек из числа рабочих, служащих и учащихся и сформировать 25 дивизий по районному принципу. К исходу 5 июля в приемные комиссии и парторганы столицы поступило 168 тысяч заявлений от москвичей и 140 тысяч от жителей области*. Примерная численность ушедших на фронт ополченцев с территории РСФСР составила 1 миллион человек. Многие из них погибли в первые месяцы войны.

Приводимые ниже выдержки из опубликованных многими годами позже, в 1990–2000-е годы воспоминаний очевидцев и участников тех событий помогают воссоздать обстановку тех, первых, месяцев войны (стилистика авторов сохранена). Все эти люди были рядовыми советскими гражданами, по своему статусу такими же, как Борис Татаринов.

Д.А. Сланский: «В передовой статье газеты «Красная Звезда» от 14 октября 1941 года слова: «Москва в опасности». Утром сообщение по радио: Московский горком партии принял решение во всех 25 районах города сформировать из добровольцев – коммунистов, комсомольцев и беспартийных трудящихся, имеющих бронь от призыва в армию, ударные коммунистические батальоны для защиты Москвы на ближних подступах к ней.

Днем 14 октября со всеми нами побеседовали в комиссии Молотовского района Москвы, сказали, что мы зачислены в ударный батальон Молотовского района <...> Мы, нефтяники, занимавшиеся изучением пулемета <...>, хотя и научились

* Так в оригинале.

разбирать и собирать замок с завязанными глазами, но так ни разу и не стреляли <...> нас зачислили в пулеметную роту <...> утром 16 октября мы услышали сообщение Совинформбюро о том, что положение на фронтах значительно ухудшилось. На улицах Москвы большое оживление, двигалась масса народа с мешками, рюкзаками, чемоданами, мчались грузовики, нагруженные домашними вещами. <...> К вечеру привезли ящики с винтовками, патронами, обмундированием, позднее пулеметы. Утром 17 октября готовимся к выступлению, чистим свой пулемет, изготовленный в 1915 году (однако, как показала впоследствии практика, стрелял он отменно). <...> По единодушному признанию общественности того времени, добровольцами в ударные батальоны шел цвет московских рабочих и интеллигенции. Это были рабочие с предприятий и ученые из академии и научных институтов, студенты и руководители различных организаций, партийные и профсоюзные работники, музыканты и учащиеся старших классов. <...> С завода им. Хруничева пришли 300 человек, из Геологоразведочного института – 148 студентов, аспирантов, преподавателей; добровольно пришли учитель истории Балдано (бурят) с женой и сыном восьмиклассником, врач Милославская с двумя дочерьми, ставшими сандружинниками. В дивизии было более 600 женщин и девушек. Сначала все они были сандружинниками, а потом стали учиться военному делу и стали разведчиками, снайперами, связистами, минометчиками. <...> В первые месяцы с вооружением было плохо. Во-первых, оно было старое, в значительной мере иностранных образцов (трофейное), а самое главное – его было мало. Винтовок на всех было только около 7 тысяч, но русских – всего 20%, остальные 80% – польские, французские винтовки времен войны 1914 года, автоматов же было всего 40. <...> 20 октября небывалое оживление <...> оказывается – принятие присяги. Никто из нас не понимает, почему это так поспешно, чуть ли не по тревоге. Оказывается, по уставу лица, не принявшие присягу, не имеют права быть вооружены <...> Ранним утром 30 октября еще затемно с винтовками, гранатами, полной выкладкой, да еще с солидным запасом хлеба в вещмешках выступаем. Пулеметы увезли на машинах. <...> Мелкий нескончаемый дождь, сильный ветер, пронизывающий до костей. Вся одежда промокла, стала тяжелой, без тренировок идти трудно<...>. Размещаемся в какой-то избе. Все мокрое, холодно» [цит. по: Ветераны ..., 1995, с. 119–123].

М.Г. Нехлин: «После выступления по радио 3 июля 1941 года И.В. Сталина в Москве в считанные дни были сформированы 12 дивизий Народного ополчения. <...> Как правило, это были люди в возрасте от 17 до 55 лет, не подлежащие призыву, большинство из них имели бронь и другие документы, освобождающие их от военной службы. Это были

рабочие и служащие, преподаватели и студенты, молодые и совсем пожилые люди. Первыми записывались коммунисты и комсомольцы. Из 16 тысяч заявлений было отобрано 12 тысяч. <...> Аналогичное положение было в других районах Москвы. В виде исключения в ополчение был взят 80-летний участник гражданской войны И.И. Резниченко.

Ядром, цементирующим дивизию, были коммунисты и комсомольцы, доля которых составляла 26% личного состава.

Местом формирования штаба дивизии были институты: Горный, Нефтяной и Стали. <...> 80% были люди непризывного возраста, горел<и> единым желанием как можно быстрее стать в строй защитников своей Родины. Трудно было нашей дивизии по боеготовности равняться с кадровыми соединениями, но ее личный состав не уступал им в главном – в преданности Родине.

После формирования в Москве (с 6 по 11 июля 1941 года) дивизия перебазировалась в Толстопальцево (под Москвой). Недолго пришлось нам заниматься боевой подготовкой, так как фронт требовал пополнения. Получив вооружение и дав присягу, в середине июля дивизия была переброшена в район Спас-Деминск (под Ельней) и получила задачу – создать оборону во втором эшелоне (до линии фронта было около 30 км).

Бойцы, наряду с боевой подготовкой, не щадя сил, по 8-10 ч трудились над оборудованием огневых точек, траншей, окопов.

К вечеру 3 октября передовые части гитлеровцев подошли к переднему краю обороны дивизии и пытались прорвать ее с ходу, но это им не удалось. <...> На нас с большой скоростью помчались 20-25 мотоциклов в колясках, вооруженных пулеметами и автоматами. Мы их подпустили на расстояние 350-400 м. Нашим внезапно открытым огнем они были почти все уничтожены. Однако от огня артиллерии и минометов мы тоже несли значительные потери. Затем против нас пошла большая группа танков – более 30. Связками гранат были подбиты 4 танка, несколько танков подорвались на минах, 3 танка уничтожила артиллерия. <...> После этого фашисты изменили тактику: пошли в обход дивизии, и мы оказались в окружении. Первая попытка выхода из окружения нам удалась, правда, у нас были большие потери <...>. Затем мы нарвались на второе кольцо окружения, которое не смогли преодолеть. Командование приняло решение выходить группами. Я попал в группу из 149 человек <...>. Шли мы только ночью и через 6 суток вышли из окружения. Ни один человек не бросил партийный или комсомольский билеты, все были со знаками различия и с личным оружием» [цит. по: Ветераны ..., 1995, с. 128–130].

Г.П. Гирбасов: «Известие о начале <...> войны застало нас на рабочих местах, не вызвав особых

волнений. Так как была уверенность, что война долго не продлится. Коллективно пошли после работы в райвоенкомат, но там было не до нас, коротко сказали, возвращайтесь домой и являйтесь в райвоенкоматы по месту прописки. В Москве, в институте обстановка была обычная: занятия, сдача зачетов, экзаменов.

В первой половине июля объявили – нужны добровольцы для работ по строительству оборонных объектов на дальних подступах к Москве. <...> Без митинга посадка в вагоны и примерно через сутки мы выгрузились на реке Десна, не так далеко от Ельни. В этом районе уже шли бои. Организация по использованию прибывших была отличная: место работы подготовлено, инструмент, материалы заготовлены до начала работ, проводился исчерпывающий инструктаж, пункт питания и ночевки всегда были поблизости.

Руководили работами военные. <...> Основным объектом строительства был многокилометровый эскарп – глубокий широкий ров трапецевидной формы: с одной стороны – пологий, с противоположной – почти вертикальный. Непреодолимое препятствие для танков, но его сооружение – это сплошные ручные, трудоемкие, земляные работы.

Работали весь световой день, <...> с небольшими перерывами на обед на площадке под открытым небом. Установленные нормы выполняли все, многие их перевыполняли в 1,5-2 раза, что вызывало удивление руководящих работами военных саперов. <...> Питание обеспечивалось своевременно и на достаточном уровне. Ночевали, как правило, в больших сараях или так называемых ригах, в ближайших деревнях. Никаких постельных принадлежностей, спали не раздеваясь. <...> Передний край был недалеко, слышались разрывы снарядов, <...> летали немецкие самолеты, иногда сбрасывая небольшие бомбы. <...> 18 октября 1941 года студенты нашего института были эвакуированы в г. Уфу. В ноябре 1941 года <...> студентам, закончившим 4-й курс, досрочно были выданы дипломы и уже 20 ноября <...> выданы направления на работу» [цит. по: Ветераны ..., 1995, с. 137–139].

С.М. Голицын: «Однажды я видел, как на фабрике вдруг выключили ток. И, однако, в силу инерции все маховые колеса, трансмиссии, станки продолжали некоторое время вертеться с прежними скоростями.

Наверное, нашу страну в первые дни войны можно было сравнить с такой фабрикой. Жизнь как будто вертелась по-прежнему, но, однако, чувствовалось что-то не то в работе механизмов. <...> О чем думало тогда 9/10 всего человечества: «Франция была разгромлена за полтора месяца. А мы?» <...> По деревням на стенах домов и прямо на деревьях был расклеен плакат художника Тоидзе – стоит женщина с пламенным взором и трагически

поднятой рукой, а сверху плаката читалась надпись – «Родина-мать зовет!».

Когда я это прочел, то вздрогнул. – Опомнись, куда бежишь! — словно звала женщина. И я видел, что другие беглецы, подходя, читали и тоже, словно внутренне все передергивались. Впечатление от плаката было потрясающим. А много лет спустя я видел на различных выставках, как люди шли, взглядывали, читали и равнодушно проходили дальше. <...> В газетах я, наконец, прочел, что Западный фронт прорван, нами оставлены Вязьма, Сычевка и Ржев и враг приблизился к дальним подступам Москвы.

И еще я прочел подвал – статью академика Тарле. Услужливый историк, вспоминая 129-ю годовщину нашествия французов, доказывал правильность стратегии Кутузова, решившего Москву оставить, но армию спасти. Статья эта мне очень не понравилась» [цит. по: Голицын, 2010, с. 74].

Г.Г. Черный: «Я был студентом университета, кончал первый курс. И, как обычно, в те дни, это экзаменационный период, с утра приехал в читальный зал на Моховую улицу и общежития. Общежитие было в Останкино, там, где сейчас телевизионная башня. Ну, мы все ездили – трамвай, с пересадкой, на Манежной, выпрыгивали из трамвая. С утра в читалке в окна было видно голубое небо <...> воскресный день. Сидел, готовился к экзаменам и из коридора <...> мы все слышали какой-то шум. И когда, естественно, вышли узнать, в чем дело, <...> нам сказали – было сообщение по радио, что немцы напали на СССР, бомбили ряд городов, и что будет <...> официальное выступление об этом в 12, по-моему, часов дня. Естественно, все уже не занимались, стояли кучками, обсуждали, что же такое, что будет. А дальше было выступление Молотова, которое все слушали прямо там, у громкоговорителя <...>. Вот так узнал, что началась война.

Меня с группой студентов направили на охрану Астрономического института Университета. На Красной Пресне существовал и сейчас существует <...>, правда на Ленинских горах, институт имени Штернберга. <...> От кого охранять? Диверсанты или там не знаю, что могло быть. Выдали нам винтовки, негодные для стрельбы, поскольку они были учебными и у них вообще казенная часть была с дырками, чтобы выстрелить было нельзя. И вот мы примерно неделю, чуть больше, сменяя друг друга, охраняли этот институт. 3 июля было выступление Сталина и было объявлено в тот же день о записи в народное ополчение. Вот мы пошли вдвоем с моим приятелем, нам сказали, куда нужно идти на Красной Пресне. Нас записали. Поскольку мы с механико-математического факультета, то нас записали в арtpолк. Группа, из которой формировался арtpолк, она расположилась в школе рядом с зоопарком, <...> номер не помню. Мы стали ополченцами таким образом. Нас постригли

наголо, форму не выдавали. Привезли тапчаны, матрасы, и мы там несколько дней находились. Прислали нам совсем молоденьких лейтенантов, которые проучились (это я уже позже узнал) всего полгода в Ярославском артиллерийском училище. Их прислали в качестве взводных. В том расчете, где я, <...> был коммерческий директор универмага «Краснопресненский». Нам казалось, что это старики, им было лет по 40 <...>. Два человека из семи было у нас в расчете таких, остальные все были студенты и аспиранты МГУ. Командиром орудия у меня был аспирант-биолог... окончивший уже аспирантуру как раз в этом году <...>. В соседнем орудии, где товарищ мой был наводчиком (я тоже был наводчиком), там тоже был аспирант-биолог. Были аспиранты... студенты-историки, географы, в общем, с разных факультетов. Пушки нам дали времен русско-японской войны. Наша батарея была – 76-ти мм пушки образца 1902 года, это деревянные колеса, железный обод. <...> Снаряды подходили, 76-ти мм, более современные, но мы не стреляли из пушек. В течение конца июня и начала июля мы потихоньку перемещались на запад по пути строя командные пункты, позиции для артиллерии, т. е. занимались строительными работами, землянки рыли, перекрывали их в три наката бревнами. И рабочий день, это был не солдатский, а именно рабочий день, он длился у нас так – с 5-ти, иногда с 6-ти, утра (это был разгар лета) и весь светлый день, т. е. фактически на сон отводилось буквально несколько часов. Ну, люди конечно спали и днем там, где застанет кого сон... В конце июля мы получили чешские пушки-гаубицы 100 мм, с раздельным заряданием, т. е. отдельно снаряд, затем определенное количество мешочков с порохом – заряд. И вот так каждый выстрел. Ну не через ствол, хотя бы. Что касается ствола, то хотя мы и не стреляли, но уж чистили этот ствол ... знаете, это было мученье – пушка должна быть в идеальном состоянии, заглянул в дуло, чтобы блестело все и ни соринки, ни пылинки там не было ...

Фронт двигался очень быстро в нашем направлении, но все-таки, не знаю, по молодости, вероятно, стоя на посту, ночью посты всюду выставлялись охранять пушки, в голову все время приходило, а вот успеет ли война кончиться до начала учебных занятий. Уже сентябрь приближался, а мысль все такая была...» [Фильм-интервью, 2010].

В летние месяцы 1941 года положение на западном направлении было угрожающим.

15 августа 1941 года командующий резервным фронтом Г.К. Жуков и член Военного совета фронта С. Круглов послали шифрограмму Сталину: «Лично проверили все части действующие в р-не Ельня. Во всех частях < > имеется большой некомплект.

В среднем дивизии имеют по 1500-2000 человек. В батальонах от 40 до 100 человек <...>»

[цит. по: Главные документы ... 2015, с. 59].

Г.Г. Черный: «Ну вот, когда немцы ударили, и наш фронт, в общем, начал рассыпаться, прорыв они совершили очень крупными силами и в стык двух наших армий: по-моему, 24 и 143. Ну и в месте стыка этих армий образовалась брешь и фактически дорога на Москву была открыта. Дивизию народного ополчения направили в эту брешь. Нас по тревоге подняли, ночью, мы быстро погрузились на машины, снаряды уже были в машинах, добавили еще из артскладов. Артиллерия, вот наш полк подошел на несколько часов позже, с пушками было все-таки труднее двигаться, пушки достаточно тяжелые, и машины были загружены снарядами, те же машины, которые тащили пушки, они были загружены до предела снарядами и мы сидели поверх снарядов. Пехотные полки понесли, сразу же, громадные потери. Кроме карабинов, пулеметов у них ничего не было, а немцы вели обстрел из орудий, минометов. Минометов, кстати, в ополчении практически не было <...>. Нас били минометами с близкого расстояния... Ну, когда подошла артиллерия, мы фактически вели заградительный огонь, нас сгрузили за пределами видимости, закрыт был горизонт <...> стреляли – беглый огонь, пять влево, пять вправо. Мы тоже почувствовали сразу, что дело плохо, потому, что в первые же часы боя значительная часть, если не большинство командного состава было убито. И для нас это было ошеломляющее – только что командир дивизиона проходил мимо нас и через двадцать минут или получаса уже все, мы без командира. Из нашей батареи старший по батарее тоже был убит. Когда эта быстрая стрельба закончилась, мы поняли, что уже наблюдательный пункт ничего не сообщает, и начали тянуться мимо нас наши пехотинцы. Нам была дана команда «на передки» (существует такая команда прицеплять орудия к машине) и выезжать к дороге. Когда мы выезжали еще на дорогу, то уже в конце виделись какие-то, трудно было рассмотреть, толи танки, толи бронетранспортеры. Стрельбы была нам вдолгонку очень сильная, но все-таки мы ускользнули.

Наступает утро, рассвет, в пределах видимости уже заметно движение каких-то машин, бронетранспортеров, а мы не знаем, кто это – наши или не наши, открывать огонь или ... Видим, что они входят в деревню и командир нашей батареи говорит: «давайте ждать, по реакции села мы узнаем, наши это или нет». Вот такая простая мысль, если немцы – то там голосить начнут и все прочее. Что и произошло. И тогда, когда они уже вытянулись из села, мы начали обстрел. Ну, они, видимо, до нашего обстрела толи не замечали нас, толи не обращали внимания, но тут же, как только мы начали обстрел, они нам ответили, как следует. И тут что началось – трудно описать. Минометным огнем, в основном,

засыпали нас. А у нас отвечать фактически нечем, у нас тяжелые орудия. Ну, а чем кончилось для нашего полка – опять «на передки», смена позиции. Пехота бежала по полю, а мы ехали по полю, вытаскивали за собою орудия, у нас было шесть орудий, после этого поля осталось два. Немцы обстреливали, кроме минометных и обычных снарядов, шрапнелью – снарядами, которые разрываются в воздухе, над головами. Это такое психическое воздействие – человек просто не выдерживает – сверху, снизу, отовсюду. Многие соскакивали с орудий и вот те, кто соскочил – те погибли» [Фильм-интервью, 2010]

О том, что известный ученый-механик и крупный организатор науки, много лет проработавший в Московском университете, директор НИИ механики МГУ (1960-1992) академик Г.Г. Черный служил с Б.И. Татариновым в одной дивизии, одном полку и, более того, в одном орудийном расчете (18-летний Горимир Черный – наводчиком, 28-летний Борис Татаринов – командиром орудия) авторам этой статьи стало известно перед началом работы над ней. Г.Г. Черный ушел из жизни 6 ноября 2012 года, и весьма огорчительно, что мы не узнали у него в личной беседе ни одной детали (один из авторов статьи был близко знаком с ним).

Г.Г. Черный неоднократно публиковал свои воспоминания о военных годах, в 2010 году вышла его большая книга «Военные годы», в 2013 году – «Судьба солдата», был снят фильм-интервью «Горимир Черный*(ссылка). Фильм первый. “Ополчение”». О том времени опубликованы и другие материалы, в 2006 и 2008 году вышли два издания книги Л.Н. Лопуховского «1941. Вяземская катастрофа». В 2005 году был снят документальный фильм «Мы остались под Вязьмой. По следам погибшей дивизии» (автор и режиссер – А. Лютенков).

Военный путь Б.И. Татаринова был очень коротким.

Записавшись в Народное ополчение 07.07.1941 г. (Электронный ресурс. URL: vov.bio.msu.ru, дата обращения: 13.07.2018), Б.И. Татаринов попал с 09.07.1941 г. в полевые условия [Черный, 2010]. Ополченцы дислоцировались на запад, навстречу рвущимся к Москве немецким войскам, занимаясь сооружением линий обороны и боевой подготовкой в той мере, которая была доступной в условиях дефицита вооружения и кадровых офицеров.

«Но, главное, чего мы не знали, – это то, что мы уже на фронте, что часть армий Резервного фронта, в том числе наша, 32-я, стоят пока во второй полосе обороны, а часть находится на передовой и ведет бои с немцами. Осталось скрытым от нас (как следует из современных материалов, даже от командиров дивизий), что 30 сентября немцы начали операцию «Тайфун» с целью разгромить наши войска и, захватив Москву, победно завершить войну» [цит. по: Черный, 2010, с. 34].

По масштабу потерь – 380 тыс. погибших, 560 тыс. попавших в плен воинов Красной Армии – Вяземский котел был одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной войны.

Последнее письмо от Бориса Татаринова, без обратного адреса, датируется 25.09.1941 года. Обстоятельства его гибели стали известны из воспоминаний Г.Г. Черного: «В считанные секунды небо над нами покрылось облачками шрапнельных разрывов, земля взметнулась фонтанами земляных комьев и грязи от огненно-черных разрывов осколочных снарядов. Все – машины с орудиями, конные провозки, группы пехотинцев – бросились к лесу. Шрапнель и осколки снарядов косили бегущих по полю и сидящих в кузовах машин людей. Спрыгнув с машины, погиб у нас на глазах командир нашего орудия Борис Татаринов» [цит. по: Черный, 2010, с. 40].

Г.Г. Черный выжил в том бою, впереди у него были участие в новых сражениях, оборона Москвы, окружения, ранения, плен, скитания и долгое пребывание на оккупированной территории, где трудным было просто выжить, радость освобождения, проверка в СМЕРШе, возвращение в действующую армию, участие в победоносном наступлении на врага и освобождении Европы, штурм Берлина, Великая Победа, возвращение к мирной жизни, к работе в Московском университете.

Судьба диссертационной работы Б.И. Татаринова осталась неизвестной. В этой связи показательна судьба докторской диссертации Фёдора Игнатьевича Хасхачиха, декана философского факультета Московского института философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ), а после вхождения МИФЛИ в МГУ (ноябрь 1941) – декана философского факультета МГУ, погибшего на фронте в 1942 году. Рукопись диссертационной работы была оставлена им в Институте, а в 1967 году она была издана отдельной книгой «Вопросы теории познания диалектического материализма».

В рассекреченных в 2007 году архивах Министерства обороны РФ есть документ от 13 января 1947 года «Известите гр. Татаринову Марию Ивановну, что мл. командир Татаринов Борис Иванович <...>, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1941 года». «Похоронка» была подписана в начале 1947 года (!).

В судьбе Бориса Ивановича Татаринова, как в маленькой капле, отразился трагизм Великой Отечественной войны в судьбе простого человека, бывшего патриотом своего Отечества.

Библиография

Бадер О.Н. Новая мустьерская стоянка в Крыму. (На первой странице помета карандашом: Сдано В.М. Громову в бюллетень № 6. 17.XI.1938 г.) Машинописная рукопись. 1938, 7 с.

Биологический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в Великой Отечественной войне. Электронный ресурс. URL: <http://vov.bio.msu.ru/dict/view.php?ID=323> (Дата обращения 20.12.2018)
 Ветераны: воспоминания участников Великой Отечественной войны. М.: ВНИИОЭНГ, 1995. 162 с.
 Главные документы Великой Отечественной войны (Альбом). М.: Комсомольская правда, 2015. 400 с.
 Голицын С.М. Записки беспогонника. М.: Русский Мир, 2010. 608 с.
 Жуков Б.С. Происхождение человека, М.; Л.: Огиз, 1931. 239 с.
 Лопуховский Л.Н. 1941. Вяземская катастрофа. 2-е изд., М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.
 Нестурх М.Ф. Человек и его предки. М., 1934. 438 с.

Пастернак Я.И. Черновик письма Ярославу Ивановичу <Пастернаку> с благодарностью за присылку статьи о мезолитическом погребении у д. Яниславицы. 1941. Рукопись.
 Стронгин В.Л. Михаил Булгаков. Три женщины Мастера. М.: Аст, 2014. 512 с.
 Фильм-интервью «Горимир Чорный». Фильм первый. «Ополчение». 2010.
 Черный Г.Г. Военные годы. СПб.: Любавич, 2010. 570 с.
 Чортковер. Машинописная копия письма от 13.02.1941 Чортковеру.

Сведения об авторах

Томашевич Татьяна Владимировна, tomashevicht@mail.ru;
 Богданов Андрей Николаевич, к.ф.-м.н., bogdanov@imec.msu.ru.

Tomashevich T.V.¹⁾, Bogdanov A.N.²⁾

¹⁾ Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Mochovaya st., 11, Moscow, 125009, Russia

²⁾ Lomonosov Moscow State University, Institute of Mechanics, Michurinsky pr., 1, Moscow, 119192, Russia

IN MEMORY OF BORIS IVANOVICH TATARINOV (1913–1941)

Introduction. The article is dedicated to the memory of a young researcher at the Institute of Anthropology, Moscow State University and a graduate of the Department of Anthropology, archaeologist B.I. Tatarinov (1913-1941).

Results and discussion. B.I. Tatarinov descended from the working class family and managed to get higher education at one of the best universities of the country thanks to the program of free higher education for the working people adopted by the Soviet authorities. He had just started his scientific and pedagogical work but tragically died in the first months of World War II, defending his homeland in the ranks of the national militia. The fate of B.I. Tatarinov is very characteristic of the Soviet generations of the pre-war years, whose life and work was interrupted by the war. There are few things left from the scientific heritage of B.I. Tatarinov - some reports on scientific expeditions, several exhibits in the Museum of Anthropology of Moscow State University. Our grateful memory of him is a tribute to the people of Moscow University - the defenders of our homeland.

Keywords: archaeology; science history; biography of B.I. Tatarinov; Upper Palaeolithic; Crimea Palaeolithic sites

References

Bader O.N. *Novaya must'yerskaya stoyanka v Krymu* [New Mousterian archaeological site] Typewritten manuscript, 1938, . 7 p. (In Russ.).
 Biologicheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V.Lomonosova v Velikoy Otechestvennoy voyne [Biological Faculty of Lomonosov Moscow State University in the Great Patriotic War]. URL: <http://vov.bio.msu.ru/dict/view.php?ID=323> (Accessed 20.12.2018)
 Veterany: vospominaniya uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny [Veterans: memories of participants of the Great Patriotic War]. Moscow, VNIIOENG Publ., 1995. 162 p. (In Russ.).
 Glavnyye dokumenty Velikoy Otechestvennoy voyny (Al'bom) [Main documents of the Great Patriotic War (Album)]. Moscow, Komsomol'skaya Pravda Publ., 2015. 400 p. (In Russ.).
 Golitsyn S.M. *Zapiski bespogonnika* [Notes of devoid of epaulettes]. Moscow, Russkiy Mir, 2010. 608 p. (In Russ.).
 Zhukov B.S. *Proischozhdienie cheloveka* [Origin of Man], Moscow, Saint-Petersburg, Ogiz Publ., 1931. 239 p. (In Russ.).
 Lopukhovskiy L.N. 1941. *Vyazemskaya katastrofa* [Vyazma catastrophe]. Moscow, Yauza & Eksmo Publ., 2008. 640 p. (In Russ.).
 Nesturch M.F. *Chelovek i ego predki* [Man and his ancestors]. Moscow, 1934. 438 p. (In Russ.).

Pasternak Ya.I. *Chemovik pis'ma Yaroslavu Ivanovichu <Pasternaku> s blagodarnost'yu za prisytku stat'i o mezoliticheskom pogrebenii u d. Yanislavitsy*. 1941. Manuscript (In Russ.).
 Strongin V.L. *Mikhail Bulgakov. Tri zhenshchiny Mastera* [Mikhail Bulgakov. Three women of Master]. Moscow, Ast Publ., 2014. 512 p. (In Russ.).
 Film-interview «Gorimir Chornyy». Film 1. «Opolcheniye». 2010. (In Russ.).
 Chernyy G.G. *Voyennyye gody* [The War years]. Saint-Petersburg, Lyubavich Publ., 2010. 570 p. (In Russ.).
 Chortkover. Typewritten copy of the letter of 13.02.1941 to Chortkover. (In Russ.).
 Ivan Franko National University of Lviv. URL: <http://lnu.edu.ua/faculty.php?faculty=clio&page=about> (Accessed 01.06.2016).

Information about Authors

Tomashevich Tatyana Vladimirovna, Researcher, tomashevicht@mail.ru;
 Bogdanov Andrei Nikolaevich, PhD, bogdanov@imec.msu.ru.